

Международная конференция «Совершенствование
национальных механизмов эффективной имплементации
Европейской конвенции по правам человека»

Санкт-Петербург, Российская Федерация

22-23 октября 2015

Международная конференция

« Совершенствование
национальных механизмов
эффективной имплементации
Европейской конвенции
по правам человека »

Конституционный Суд
Российской Федерации
Российская Федерация, Санкт-Петербург,
Сенатская площадь, д. 1,
22-23 октября 2015

*Совершенствование национальных механизмов
эффективной имплементации Европейской
конвенции по правам человека, Санкт-Петербург,
Российская Федерация, 22-23 октября 2015*

Высказанные в данной работе мнения принадлежат автору и могут не совпадать с официальной политикой Совета Европы. По всем вопросам, касающимся воспроизведения или перевода всего документа или какой-либо его части следует обращаться в Директорат по коммуникациям (publishing@coe.int). Вся другая корреспонденция относительно этого документа должна быть адресована в Департамент политики и сотрудничества в области прав человека (DGI).

Обложка:
Производственный отдел документов и публикаций (SPDP), Совет Европы
Макет: Quorum (Бари, Италия)

Совет Европы, октябрь 2016

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНВЕНЦИИ О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА	9
Валерий Дмитриевич Зорькин, Председатель Конституционного Суда Российской Федерации	
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ	15
Филипп Буайя, Генеральный Директор Генерального директората Совета Европы по правам человека и верховенству права	
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ	17
Ханлар Гаджиев, Судья Европейского Суда по Правам Человека, доктор юридических наук	
РОЛЬ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕАЛИЗАЦИИ КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД	19
Петрова Татьяна Анатольевна, Заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации – председатель Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации	
МЕХАНИЗМЫ ЭФФЕКТИВНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В НИДЕРЛАНДАХ	23
Мартин Кайер, Профессор в области прав человека, Амстердамский свободный университет	
ВОПРОСЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД В ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	27
Матюшкин Георгий Олегович, Кандидат юридических наук, доцент, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, Заместитель Министра юстиции Российской Федерации	
УКРЕПЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: ОЦЕНКА НАЦИОНАЛЬНОГО ОПЫТА ШВЕЙЦАРИИ	31
Шарль-Эдуар Хельд, Доктор права, адвокат, бывший посол и постоянный представитель Швейцарии при Совете Европы	
ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПРОБЛЕМЕ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА	39
Сергей Петрович Маврин, Заместитель Председателя Конституционного Суда Российской Федерации	
ОКПЧ КАК ПРИМЕР МЕХАНИЗМА ПАРЛАМЕНТСКОГО КОНТРОЛЯ	45
Майкл О'Бойл, Заместитель Секретаря-канцлера Европейского суда по правам человека (2006-2015 гг.)	
СУДЕБНАЯ АКСИОЛОГИЯ В ИМПЛЕМЕНТАЦИОННОМ МЕХАНИЗМЕ ЕВРОПЕЙСКИХ КОНВЕНЦИОННЫХ ТРЕБОВАНИЙ	49
Николай Семенович Бондарь, Судья Конституционного Суда Российской Федерации	
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ ЭФФЕКТИВНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА – ДОКЛАД ПО ИТАЛИИ	55
Оресте Полличино, Старший доцент, преподаватель сравнительного публичного права, Университет Боккони (Милан)	
ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО КАК ОСНОВНОЙ ЭТАП РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ И КОНВЕНЦИОННЫХ НОРМ	65
Андрей Александрович Клишас, Председатель Комитета по конституционному законодательству и государственному строительству Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации	
ИСПОЛНЕНИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В АВСТРИИ	69
Катарина Пабел, Профессор публичного права, Университет Линца, Австрия	
СУБСИДИАРНАЯ РОЛЬ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: ПРЕДЕЛЫ УСМОТРЕНИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ, КРИТЕРИЙ ЯВНОЙ ОЧЕВИДНОСТИ	75
Андрей Юрьевич Бушев, Доцент кафедры коммерческого права Санкт-Петербургского государственного университета, к.ю.н.	
ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫЕ МЕХАНИЗМЫ И РЕАЛИЗАЦИЯ МЕР ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА: ОБОБЩЕНИЕ ОПЫТА 38 НАЦИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ	79
Элизабет Ламбер Абдельгавад, Национальный центр научных исследований (CNRS), научный сотрудник (исследовательская группа SAGE, Страсбургский университет)	
ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	85
Вит Александр Шорм, Представитель Правительства, Министерство юстиции Чешской Республики, Председатель Руководящего комитета по правам человека Совета Европы	

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕХАНИЗМОВ ЭФФЕКТИВНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД - ДОКЛАД ПО ГЕРМАНИИ	87
Ангелика Нуссбергер, Судья Европейского Суда по правам человека от Германии, Избранный председатель секции	
ФРАНЦИЯ И ИСПОЛНЕНИЕ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА	91
Мари-Элизабет Бодуан, Доктор наук, доцент, Заместитель декана Юридической школы, Центр им. Мишеля де л'Опиталья, Университет Оверни, Франция	
РОЛЬ РОССИЙСКИХ СУДОВ В ИМПЛЕМЕНТАЦИИ МЕР ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА, РЕКОМЕНДУЕМЫХ ЕВРОПЕЙСКИМ СУДОМ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА	97
Валерий Абрамович Мусин, Профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса Санкт-Петербургского государственного университета, Россия	
БУДУЩЕЕ СИСТЕМЫ В ДОЛГОСРОЧНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: РАБОТА КОМИТЕТА ЭКСПЕРТОВ ПО РЕФОРМЕ СУДА И БРЮССЕЛЬСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ	101
Изабель Нидлиспахер, Представитель властей Бельгии при Европейском суде по правам человека, Федеральная государственная служба юстиции – Бельгия	
НАЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ РЕГУЛЯТОРЫ: ДИНАМИКА СООТНОШЕНИЯ	103
Юрий Александрович Тихомиров, Профессор, заместитель заведующего Центром публично-правовых исследований, Россия	
О НАЦИОНАЛЬНОМ ОПЫТЕ ИСПОЛНЕНИЯ РЕШЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	107
Валерий Васильевич Лазарев, Профессор, академик Российской академии естественных наук Заведующий отделом имплементации решений судебных органов в законодательство Российской Федерации Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации	
МЕРЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА: ОПЫТ ТУРЦИИ И ОСОБАЯ РОЛЬ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ	111
Башак Чали, Директор, Центр глобального публичного права, Университет Коч, Стамбул	
ЕВРОПЕЙСКАЯ КОНВЕНЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ ИНТЕГРАЦИЙ: РОЛЬ СУДОВ В ПРЕОДОЛЕНИИ ФРАГМЕНТАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА	117
Татьяна Николаевна Нешатаева, Судья Суда Евразийского экономического союза	
ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ПРАВА МЕЖДУНАРОДНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	125
Ярослав Сергеевич Кожеуров, Доцент кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е.Кутафина, Россия	
СУВЕРЕНИТЕТ ГОСУДАРСТВА И ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ И РЕШЕНИЙ ЕСПЧ	129
Сергей Александрович Комаров, Профессор заведующий кафедрой теории государства и права им. Г.В. Мальцева Юридического факультета им. М.М. Сперанского Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации	
НЕКОТОРЫЕ ИТОГОВЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ	135
Филипп Буайя, Генеральный директор Генерального директората по правам человека и верховенству права, Совет Европы	
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	139
Турбьёрн Ягланд, Генеральный секретарь Совета Европы	
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	143
Валерий Дмитриевич Зорькин, Председатель Конституционного Суда Российской Федерации	
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ МЕХАНИЗМОВ ЭФФЕКТИВНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИИ О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА	145
Доклад по Великобритании, Мюррей Хант, Юрисконсульт, Объединённый комитет по правам человека, Парламента Соединённого Королевства	
22 ОКТЯБРЯ 2015 ГОДА, ЧЕТВЕРГ	149
23 ОКТЯБРЯ 2015 ГОДА, ПЯТНИЦА	153
СПИСОК УЧАСТНИКОВ	157

Имплементация постановлений Европейского суда по правам человека в контексте права международной ответственности

Ярослав Сергеевич Кожеуров

*Доцент кафедры международного права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е.Кутафина, Россия*

В Постановлении от 14.07.2015 г. №21-П Конституционный Суд Российской Федерации (КС) четко обозначил те «красные линии», которые он не готов пересекать, рассматривая вопрос об имплементации постановлений Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ), содержащих оценки национального законодательства: такие постановления подлежат реализации в рамках российской правовой системы только при условии признания высшей юридической силы Конституции Российской Федерации¹⁸³.

Тезис о высшей юридической силе Конституции РФ в рамках российской правовой системы не может вызывать никаких возражений. Представляется, что усилия КС по построению дуалистической модели соотношения и взаимодействия международного и внутригосударственного права, Конституции РФ и Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (ЕКПЧ), КС и ЕСПЧ следует всемерно поддерживать, в том числе и представителям науки международного права. Для любого юриста собственная конституция должна носить священный характер, поскольку она обеспечивает единство, стройность и эффективность отечественного правопорядка. Но – и это тоже суть дуалистической модели! – данный постулат не отменяет другого высшего принципа – международные обязательства должны добросовестно соблюдаться. С дуалистической точки зрения национальное и международное право – равнопорядковые системы, и ни одна из них не имеет приоритета над другой.

183. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 N 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы», п. 2.

КС очень аккуратен в формулировках, из которых совершенно четко следует, что Конституция РФ выше всего не *вообще*, а именно в рамках российской правовой системы, частью которой в силу ч. 4 ст. 15 Конституции является ЕКПЧ. Но нельзя забывать и о том, что изначально ЕКПЧ – часть международно-правовой системы, а Россия – часть международного сообщества, отношения в котором регулируются нормами международного права. С точки зрения международного права принцип *pacta sunt servanda* также священен, он обеспечивает действенность и само существование этой системы, на нем покоится юридическая обязательность международного права. Всем известно положение ст. 27 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., носящей характер *jus cogens*, согласно которой государство не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для неисполнения международного договора. А согласно другому очень важному документу – Статьям об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г. – «квалификация деяния государства как международно-противоправного определяется международным правом. На такую квалификацию не влияет квалификация этого деяния как правомерного по внутригосударственному праву» (ст. 3)¹⁸⁴.

Однако в рамках дуалистической модели и ЕСПЧ должен понимать, что он не может ставить государство в такую сложную ситуацию, когда ему предлагается выбрать, что «лучше» нарушить – ЕКПЧ или собственную Конституцию. На это и должен быть направлен диалог и взаимодействие судов, важность которого совершенно справедливо отмечается в Постановлении КС №21-П. Иначе ЕСПЧ может разделить судьбу своего коллеги – Межамериканского Суда по правам человека, который выносит прогрессивные и пронизанные высокими гуманитарными идеалами решения, подчас просто прямо в решении признавая недействительными важнейшие для государства законы (законы об амнистии, обеспечившие во многих латиноамериканских странах мирный переход от диктатур к демократии, например) или даже положения конституций. Однако недостаточная гибкость приводит к удручающему результату: по статистике полностью исполнено государствами только около 10% решений¹⁸⁵. Любому международному суду следует помнить, что он не только создан государствами и наделен ими компетенцией, но от государств целиком зависят и авторитет суда, эффективность и исполняемость его решений. Не имея тех принудительных средств, которые есть у национального суда, международный суд не может приказывать государствам, он должен «брать свое» убедительностью, выверенностью, если надо – дипломатичностью своих решений, выстраивая правильный баланс между необходимостью защиты общеевропейского правового пространства и европейскими ценностями и особенностями каждого члена европейской семьи.

Как бы то ни было, очевидно, что неисполнение окончательного постановления ЕСПЧ – в том числе по основаниям и в порядке, установленным в Постановлении КС №21-П от 14.07.2015 г., – будет представлять собой деяние, расходящееся с международным обязательством, принятым при ратификации ЕКПЧ (ст. 46). Насколько такое расхождение может быть оправданным и не будет ли оно представлять собой международно-противоправное деяние в смысле Статей об ответственности государств? Дуалистический подход требует рассмотреть вопрос не только с национально-правовой, но и с международно-правовой точки зрения. Если основанием неисполнения постановления ЕСПЧ будет *только* аргумент о верховенстве Конституции, само по себе это не освободит Россию от международной ответственности.

Попытка найти *международно-правовые* основания для отступления, в порядке исключения, от выполнения международных обязательств, как представляется, предпринята в п. 3 Постановления КС №21-П от 14.07.2015 г. Одним из таких оснований предстает ссылка на возможное нарушение Европейским Судом правил толкования, предусмотренных Венской конвенцией о праве международных договоров, а другим – ссылка на явное нарушение фундаментальной нормы национального права, касающейся компетенции заключать международные договоры (ст. 46 Венской конвенции). У обоих этих аргументов есть уязвимости. В первом случае подразумевается необходимость проверки (кем – КС?) соблюдения Европейским Судом правил толкования ЕКПЧ и соответствия решений ЕСПЧ нормам *jus cogens*, что, как представляется, выходит за рамки компетенции национального суда и разрушает тщательно выстраиваемую самим Конституционным Судом дуалистическую модель. Вторым аргументом связан с недействительностью договора и был бы больше применим, скажем, если бы согласие с обязательностью ЕКПЧ от имени России было бы выражено не федеральным законом, а, например, решением Правительства. Представляется, что ст. 46 Венской конвенции не совсем предназначена для случаев, когда созданный соглашением международный орган выходит за рамки согласия, изначально данного государством правомерно.

184. Ответственность государств за международно-противоправные деяния (приложение к резолюции ГА ООН A/RES/56/83 от 12.12.2001 г.).

185. *Cavallaro J., Erin Brewer S. Reevaluating Regional Human Rights Litigation in the Twenty-First Century: The Case of the Inter-American Court // American Journal of International Law. 2008. Vol. 102. P. 785-786.*

Согласно праву международной ответственности, не всякое деяние государства, расходящееся с его международными обязательствами, автоматически квалифицируется как противоправное. Существуют обстоятельства, на которые государство может ссылаться как на исключение противоправности деяния, не соответствующего его международным обязательствам. Перечень этих обстоятельств носит исчерпывающий характер и закреплен в принятых Комиссией международного права ООН и одобренных Генеральной Ассамблеей Статьях об ответственности государств 2001 г. Думается, что одно из них – закрепленное в ст. 25 «состояние необходимости» – заслуживает пристального рассмотрения в нашем контексте¹⁸⁶.

Согласно практике, например, Международного Суда ООН (дело о проекте Габчиково-Надьмарош, в котором он признал это обстоятельство частью общего международного права), для выявления состояния необходимости требуется выполнение следующих условий: 1) наличие «существенного интереса», ради которого государство идет на невыполнение своих обязательств; 2) наличие «большой и неминуемой» угрозы этому интересу; 3) оспариваемое деяние должно быть единственным путем защиты этого интереса; 4) оно не должно наносить серьезного ущерба существенному интересу государств, в отношении которых существует данное обязательство (баланс интересов)¹⁸⁷.

При этом ссылка на состояние необходимости, как отмечают и Международный Суд, и КМП (ILC), может делаться только в исключительных случаях, а государство, ссылающееся на необходимость, «не может быть единственным судьей в этом вопросе»¹⁸⁸.

Состояние необходимости – крайне неоднозначная концепция, вызывающая оживленные дискуссии в доктрине и практике. В пользу состояния необходимости как обстоятельства, исключающего противоправность, в разное время высказывались Оппенгейм, Лаутерпахт, Грефрат, Шварценбергер, Соренсен и др. Против ссылок на необходимость в силу открывающегося простора для злоупотреблений высказывались Аречага, Броунли, Боуэт, Гуггенхайм, Ушаков¹⁸⁹. По мнению американского исследователя Роберта Слоана, на момент принятия Статей 2001 г. состояние необходимости следовало рассматривать как «прогрессивное развитие международного права», нежели как «кодификацию существующего общего международного права»¹⁹⁰. Это единственное обстоятельство, которое сформулировано «от противного» («государство не может ссылаться...»). Его «каучуковые» формулировки («существенный интерес», «большая и неминуемая опасность») не добавляют определенности в его применении. Случаи признания ссылок на необходимость как правомерных крайне редки в международной практике. Сразу оговоримся, автору неизвестны случаи ссылок на это обстоятельство в контексте защиты конституционного правопорядка.

Тем интереснее попытаться примерить этот тест на вполне возможный случай с решением вопроса об исполнении постановления ЕСПЧ по делу «Анчугов и Гладков против России» от 4 июля 2013 г., которое КС упомянул как «наиболее очевидный» пример расхождения с положениями Конституции. В этом деле ЕСПЧ признал нарушением ст. 3 Протокола №1 к ЕКПЧ содержащееся в российском законодательстве ограничение избирательного права лиц, отбывающих по приговору суда наказание в виде лишения свободы, что, по мнению КС, прямо противоречит ч. 3 ст. 32 Конституции РФ. Попробуем порассуждать, просто ставя вопросы и не пытаясь навязать какие-либо конкретные ответы на них.

■ 1) Есть ли здесь *существенный интерес* Российской Федерации и в чем он заключается? С одной стороны, речь идет о норме Конституции (что может быть существеннее?), причем содержащейся в «неизменяемой» главе 2. С другой стороны – а все ли нормы Конституции относятся к основам конституционного строя, основополагающим принципам и нормам Конституции, о необходимости защиты которых идет речь в Постановлении КС №21-П (п. 2)?

186. Статья 25 гласит:

«1. Государство не может ссылаться на состояние необходимости как на основание для исключения противоправности деяния, не соответствующего международно-правовому обязательству этого государства, за исключением тех случаев, когда это деяние: а) является единственным для государства путем защиты существенного интереса от большой и неминуемой опасности; и б) не наносит серьезного ущерба существенному интересу государства или государств, в отношении которых существует данное обязательство, или международного сообщества в целом.

2. В любом случае государство не может ссылаться на состояние необходимости как на основание для исключения противоправности, если: а) данное международно-правовое обязательство исключает возможность ссылки на состояние необходимости; или б) это государство способствовало возникновению состояния необходимости».

187. The Gabcikovo-Nagymaros Project (Hungary v. Slovakia), Judgment of 25 September 1997, ICJ Report, 1997, p. 7 (paras. 51-52).

188. Доклад Комиссии международного права о работе ее 53-ей сессии // Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи. 56-ая сессия. Дополнение №10 (A/56/10). Нью-Йорк, 2001. С. 204.

189. Обзор доктрины по вопросу содержится в дополнении к Восьмому докладу P.Аго по теме «Ответственность государств». Док. ООН A/CN.4/318/Add.5-7 // Yearbook of the International Law Commission. 1980. Vol. II. Part 1. P. 46-51 (paras. 71-80).

190. Sloane, Robert D. On the Use and Abuse of Necessity in the Law of State Responsibility // The American Journal of International Law. Vol. 106. No. 3 (July 2012). P. 471.

■ 2) Если мы положительно отвечаем на первый вопрос, тогда второй – грозит ли интересу «*большая и неминуемая опасность*»? Давайте порассуждаем, в чем угроза постановления по делу «Анчугов и Гладков» для правопорядка России? Чем его выполнение может его подорвать? Как мы сможем обосновать эту угрозу, в чем ее неминуемый характер? С одной стороны, в Конституции выражена воля народа, с другой – носит ли запрет голосовать заключенным сам по себе жизненно важный для России характер? Аргументы есть в пользу и той, и другой позиции.

■ 3) третий вопрос – является ли неисполнение постановления ЕСПЧ *единственным путем защиты* существенного интереса? Не являются ли такими путями, позволяющими примирить обязательства по ЕКПЧ и Конституцию, например, истолкование статьи 32 в русле необходимости разработки законодателем конкретных механизмов ее реализации, удовлетворяющих требованиям ЕСПЧ: ведь, в конце концов, претензии ЕСПЧ вызвал не сам запрет отбывающим наказание голосовать, а его нынешний автоматический, неиндивидуализированный характер, не позволяющий учесть все обстоятельства конкретного дела?

Еще раз необходимо подчеркнуть, что речь не идет о неисполнении Конвенции, нормы которой априори не могут противоречить Конституции: оба документа исповедуют и защищают одинаковые ценности. Речь идет о продекларированной в Постановлении №21-П принципиальной возможности, в порядке исключения, отступления от выполнения предписаний конкретного постановления ЕСПЧ, основанных на ЕКПЧ и интерпретированных ЕСПЧ противоречащим Конституции РФ образом, то есть о временном отступлении от обязательства исполнять окончательные постановления ЕСПЧ.

По мнению автора, тест на необходимость – это как раз те «исключительные» случаи, о которых сказал КС в постановлении №21-П, обосновывая свое «право на возражение». Мы видим, что это очень сложный тест, но, во-первых, он может использоваться как аргумент, ссылка на который может исключать противоправность неисполнения конкретного постановления ЕСПЧ, в диалоге с Комитетом Министров, либо, если дело дойдет до этого, в самом ЕСПЧ по новой процедуре рассмотрения споров о том, выполнило ли государство постановление ЕСПЧ надлежащим образом (ст. 46 в ред. протокола 14). А самое главное, на взгляд автора, он может быть использован еще на стадии оценки самим Конституционным Судом целесообразности и обоснованности с точки зрения не только российского, но и международного права возможного неисполнения постановления ЕСПЧ и последствий такого шага.

В заключение хотелось бы сказать, что уважение Европейской конвенции и других международных обязательств – залог верховенства Конституции; а уважение российской Конституции – залог добросовестного выполнения Россией ее международных обязательств.